



Еще изъ воспоминаній объ М. И. Драгомировѣ.

Въ одной изъ книжекъ „Русской Старины“ за 1912 г., въ статьѣ „Генераль Драгомировъ во время австро-прусской войны“, было выставлено, между прочимъ, что Мих. Ив. всегда предавался чтенію Св. Евангелія; при этомъ было сказано, что вообще объ отношеніи его къ религіи будетъ извлечено изъ записокъ особо, впоследствии. Представляя настоящій очеркъ вниманію читателей, я считаю, что этимъ самымъ въ большой мѣрѣ исполняю свое обѣщаніе.

Здѣсь, съ достаточною ясностью, указывается, на сколько Мих. Ив. принадлежалъ къ числу тѣхъ старыхъ людей, которые своею религіозностью стояли въ ряду чисто русскихъ благородныхъ представителей, почитавшихъ свое отечество съ его чистою жизнью и высоко державшихъ знамя, въ дѣлѣ охраненія этой жизни отъ наплыва въ нее чего бы то ни было нерусскаго,—нынѣ такъ жестоко и безжалостно ее наводняющаго и засоряющаго изъ-за доступности постороннихъ вѣяній малодушно, легкомысленно допускаемыхъ общественностью въ плохо окарауливаемый чисто русскій лагерь.

Въ 1896 г. рѣшался вопросъ о томъ — удовлетворить ли назрѣвшую въ народѣ нужду канонизаціи святого Θεодосія Углицкаго — епископа и чудотворца Черниговскаго или, какъ вообще объ этомъ по-просту говорилось и говорится, разрѣшить ли открытіе мощей этого святителя?

Передъ тѣмъ въ послѣдній разъ на Руси торжество освященія мощей происходило въ царствованіе Императора Александра II въ 1861 г. въ Воронежской губерніи. Святитель Тихонъ Задонскій призывалъ къ себѣ большія массы народа, стекавшагося для полученія въ молитвѣ разнообразнѣйшихъ

облегченій и излѣченій отъ болѣзней, горечи, печали и недуговъ. Въ годы, предшествовавшіе этому событію, много рассказывалось о томъ, какъ отнеслись тогда въ верхахъ правительства къ извѣстіямъ, получавшимся съ мѣста о томъ, что народъ выражаетъ желаніе получить этого святого и въ выраженіи своихъ желаній не стѣсняется требовать, при чемъ духовенству прямо показываетъ свое неудовольствіе и ропотъ за задержки, будто-бы прямо чинимыя имъ въ этомъ важномъ дѣлѣ.

То было время приближенія къ исполненію, намѣченнаго молодымъ Государемъ, важнѣйшаго дѣла — освобожденія крестьянъ отъ путъ крѣпостной зависимости; всѣмъ извѣстно, съ какою всестороннею осмотрительностью Александръ Николаевичъ подходилъ къ этой предназначенной имъ перемѣнѣ въ бытѣ возлюбленнаго народа своего.

„Надо“, говорилъ Государь съ полнымъ сознаниемъ первостепенности предстоявшаго, имѣвшаго міровое значеніе, переворота, „добиться того, чтобы, выступая на новый житейскій путь, народъ во всѣхъ остальныхъ проявленіяхъ своей жизни былъ совершенно спокоенъ и чтобы она ничѣмъ, ни въ чемъ именно теперь не отражалась“. Съ этой стороны кроткій Царь несомнѣнно готовъ былъ не задумываясь склониться къ тому, чтобы назрѣвшая, вызванная религіозною жизнью, дорогого его сердцу, народа, нужда была спокойно удовлетворена и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

Но на стражѣ этого дѣла, какъ и вообще всего касавшагося въ ту пору церковной жизни, стоялъ вліятельнѣйшій чело-вѣкъ—митрополитъ Филаретъ; этотъ правдивый, мудрый старецъ, какъ рассказывали тогда, долго показывалъ твердое стремленіе сдержать высшую власть вообще отъ прорыва въ сторону того рѣшенія, которое онъ считалъ потворствомъ. На Государя онъ вліялъ неоднократно напоминаніемъ словъ, сказанныхъ въ этомъ отношеніи августѣйшимъ родителемъ Его Величества. Митрополиту было доподлинно извѣстно, что на доклады, представлявшіеся съ разныхъ сторонъ, Императоръ Николай Павловичъ коротко и неизмѣнно отвѣчалъ, что „народъ не стоитъ на той религіозной высотѣ, которая ставила бы его въ возможность торжествовать причисленіе еще одного изъ своихъ образцовыхъ служителей церкви къ лику святыхъ“. Народъ разбаловался въ своихъ понятіяхъ о молитвѣ и о служеніи Творцу Небесному, поэтому нужно остеречься, какъ бы не вышло оскверненія искони чтимаго на святой Руси обычая, — дѣлать, признавать и объявлять свя-

тымъ человека, прожившаго весь свой вѣкъ святой жизнью, говорилъ царь, котораго вообще, а между прочимъ и за это рѣшеніе, мудрый Филаретъ почиталъ мудрымъ.

* * *

Въ концѣ концовъ однако Императоръ Александръ Николаевичъ какъ бы не счелъ себя въ правѣ долго сопротивляться необходимости удовлетворенія настоятельно установившейся народной нужды. Въ какой формѣ тогда было поднесено митрополиту Филарету „потворственное рѣшеніе“ и какъ онъ отнесся къ нему,—объ этомъ преданіе умалчиваетъ. Но до низовъ общества дошелъ лишь ставшій тогда общезвѣстнымъ фактъ, что отсутствіемъ, принятыхъ властями въ Задонскѣ предохранительныхъ мѣръ, вызвана была масса несчастій, приключившихся съ народомъ, собравшимся на поклоненіе святому Тихону; рассказывали тогда, сколько оказалось раненыхъ, тяжело раненыхъ и убитыхъ (раздавленныхъ), во время происходившаго торжества. Если митрополитъ Филаретъ не указалъ на это, какъ на знаменіе проявленія воли Божіей, то въ этомъ надо видѣть лишь слишкомъ большую, свойственную владыкѣ тактичность, не допустившую его до какого бы то ни было мірскаго укора, въ такомъ дѣлѣ, допущенномъ волею безконечно любившаго свой народъ Государя.

То же преданіе гласитъ, будто бы самъ Государь настолько опечалился исходомъ этого событія, что сказалъ: „праведно отецъ мой заключилъ, и я буду несправедливъ, если когда-нибудь въ теченіе своего царствованія еще разъ разрѣшу такое торжество до тѣхъ поръ, пока не приду къ твердому убѣжденію въ томъ, что народъ всецѣло, искренно, съ твердостью возвратился въ лоно церкви своей православной“.

Этотъ рассказъ воспроизвелъ однажды М. И. Драгомировъ въ бесѣдѣ съ навѣстившимъ его черниговскимъ губернаторомъ, незадолго до открытія мощей святителя Θεодосія — торжества, о которомъ слухи начали усиленно ходить въ серединѣ 1894 года.

— Откуда это пошло? спросилъ Михаилъ Ивановичъ. Давно въ народѣ толкуютъ объ этомъ, давно желаютъ этого; и въ нашемъ Конотопскомъ уѣздѣ чуть ли не на каждой маленькой ярмарченкѣ поднимается объ этомъ гвалтъ,—подай намъ святителя Θεодосія; но все разбивается объ слухъ, всякій разъ подтверждающій слова, сказанныя какъ бы въ закаянье Государемъ Александромъ Николаевичемъ по указанію его Дер-

жавнаго отца.—На этомъ все успокаивается, —по крайней мѣрѣ наружно.

— Странное дѣло, говаривалъ Мих. Ив.,—во время ярмарокъ и связанныхъ съ ними крестьянскихъ попоекъ, кутежей, чуть ли не больше всего, будится въ народѣ чувство, выставляющее потребность въ проведеніи такой святости, какъ признаніе лишняго святого и приобрѣтеніе лишняго представителя. Не показываетъ ли это, на сколько правъ былъ покойный нашъ царь-солдатъ, столь незамѣтно завѣщавшій кроткому сыну-царю освободителю въ жизненное руководство по этому дѣлу такую простую истину. Крайне похоже на то, что въ этомъ гвалтѣ нужно видѣть не столько религіозное пробужденіе и проявленіе религіозной потребности, сколько бунтовщицкое, на проломъ идущее, требованіе озорниковъ-буяновъ, упорныхъ холодовъ—„требуемъ, молъ, подай, нашему праву не перечь“.

Толки однако идутъ такіе, что нынче непременно будетъ разрѣшено открытіе мощей. Замѣстившій въ нашихъ церковныхъ дѣлахъ Филарета, — К. П. Побѣдоносцевъ, будто бы ничего не имѣетъ противъ того, чтобы дать теперь возможность снова испытать народную готовность пережить такое важное событіе.

Лѣто 1895 г. принесло большое усиленіе слуховъ о предстоявшемъ будто бы разрѣшеніи открытія мощей, тѣмъ болѣе, что въ слѣдовавшемъ за тѣмъ годомъ 1896 г., исполнялось 200 л. со дня кончины святителя. Епископъ Θεодосій, какъ извѣстно, былъ погребенъ въ черниговскомъ Борисоглѣбскомъ соборѣ, построенномъ княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ въ началѣ XI вѣка (1034 г.). Когда лѣтъ черезъ тридцать послѣ погребенія происходила капитальная передѣлка того храма, рабочіе, спустившись подъ полъ, случайно получили возможность увидѣть „раскрытымъ полусгнившій гробъ, въ которомъ святитель лежалъ какъ живой отдыхающій человекъ съ лицомъ нѣсколько раскраснѣвшимся и слегка улыбавшимся“. — Они сообщили объ этомъ духовенству собора; слѣдствіемъ этого было то, что прогнившій еловый гробъ былъ замѣненъ другимъ—дубовымъ, и погребеніе тѣла святителя въ немъ состоялось на томъ же мѣстѣ.

Все это М. И. Драгомировъ, какъ Черниговской губерніи уроженецъ, зналъ съ дѣтства; также зналъ онъ и нерѣдко рассказывалъ о томъ, что народъ, прослышавъ рассказъ рабочихъ про то, въ какомъ видѣ представилось имъ тѣло святителя, — приходилъ толпами, собираясь не только изъ уѣздовъ губерніи,

но и издалека на поклоненіе, крѣпко почитавшемуся еще при жизни, сильному правдой и справедливостью, епископу.

— Увѣровалъ народъ въ силу молитвы, приносимой у мѣста вѣчнаго упокоенія епископа Θεодосія Углицкаго, говаривалъ Мих. Ив. Стеченіе народа было постоянно такъ велико, что свѣтскія и духовныя власти нашли необходимымъ изъ подъ собора гробъ извлечь и, пристроивъ къ собору небольшую часовню-склепъ, учинить погребеніе подъ этой пристройкой.

Завершилось это тѣмъ, что нашелся богатый купецъ, который, пожертвовалъ серебряную раку; въ ней былъ поставленъ святитель въ той соборной пристройкѣ; народъ могъ имѣть доступъ къ непосредственному поклоненію у раки святителя.— Поклонялся не только простой народъ, но и помѣщики, и профессора, вообще люди высокаго развитія и образованія; искали молитвеннаго утѣшенія не только православные, но и люди иныхъ вѣроисповѣданій.— Съ дѣтства припоминаю я, говорилъ Михайлъ Ивановичъ, ходилъ между нами рассказъ о томъ, какъ директоръ Черниговской гимназіи, кажется Флейшеръ, — его жена и сынъ лютеране, — по молитвамъ, принесеннымъ у раки святителя, разомъ излѣчились отъ смертельной болѣзни, которою въ одно время всѣ они отчаянно заболѣли. Благочестивая нѣмецкая семья оставила объ этомъ записку, написанную, кажется, матерью и снабженную такимъ окончаніемъ: всевидящій и всевѣдущій Господь творецъ вселенной засвидѣтельствуетъ, что все, нами здѣсь сказанное, есть истина святая.—Также прекрасно помню я, рассказывалъ Михайлъ Ивановичъ, что когда пришла пора, по окончаніи моего ученія въ Черниговѣ, отправить меня для продолженія его въ сѣверную столицу, меня свезли въ соборъ къ ракѣ святителя Θεодосія Углицкаго. У святителя, какъ у усопшаго христіанина, служились тогда панихиды объ упокоеніи его души; около того времени, собственно по настоянію людей, въ которыхъ вѣрованіе ярко пересиливало, — начинало входить въ обычай служеніе молебновъ ему, какъ предстателю Божію и ходатаю о нуждахъ людей вѣрующихъ.

— Мы тоже, говорилъ Мих. Ив., отслужили молебенъ, просили предстательства святителя о томъ, чтобы Господь ниспослалъ мнѣ силъ и умѣнья одолѣть мудрость предстоявшаго мнѣ ученья.

* * *

Въ концѣ 1895 г. получены были нѣкоторыя официальные свѣдѣнія, изъ которыхъ можно было видѣть, что близится раз-

рѣшеніе вопроса о дозволеніи торжества причтенія архіепископа Θεодосія къ лику святыхъ церкви нашей православной.

Въ одинъ изъ прїѣздовъ черниговскаго губернатора въ январѣ или февралѣ 1896 г. въ Кіевъ къ М. И. Драгомирову, Мих. Ив. сообщилъ ему, что и онъ получилъ свѣдѣнія, подтверждающія вѣроятность принятія рѣшенія—дозволить народу сопричислить святителя Θεодосія.

Этотъ народъ, помимо благочестивой жизни святителя, больше всего чтить въ немъ постоянное и неизмѣнное стремленіе стать за правду и не допустить поправки ея старшимъ въ ущербъ младшей братіи; всякая малѣйшая несправедливость начальника къ подчиненному осуждалась Θεодосіемъ Углицкимъ, и онъ,—полный ума и чистоты, всегда съ твердою настойчивостью возстановлялъ такую несправедливость, добиваясь того, чтобы начальствующее лицо могло опомниться, придти къ сознанію неправильности употребленія своей власти не на правду, а за силу, нерѣдко равнявшуюся произволу,—въ тѣхъ случаяхъ, когда оно забывалось до обиды одинаго отъ малыхъ...

Съ умиленіемъ покойный М. И. Драгомировъ всегда вспоминалъ эту черту святителя, помнившаго и ставившаго на первый планъ обязательность полнѣйшей справедливости въ дѣлѣ сношенія людей между собой, а въ особенности въ дѣлѣ пользованья силою пребывающихъ во власти.

Раннею весной 1896 г. прибылъ въ Черниговъ кіевскій митрополитъ Іоанникій; комиссія изъ духовныхъ лицъ, по принятымъ на сей предметъ правиламъ, осмотрѣла въ подробностяхъ раку покоившагося въ часовнѣ-склепѣ святителя, послѣ совѣщанія изготвила свой докладъ для представленія въ Св. Синодъ, а затѣмъ сравнительно скоро стало извѣстно, что днемъ торжества освященія мощей новоявлявшагося святого назначено было 9-ое сентября.

* * *

М. И. Драгомировъ тотчасъ же объявилъ, что будетъ непременно присутствовать на торжествѣ, при чемъ облекъ объявленіе объ этомъ въ такую форму, что „просилъ не забыть пригласить его участвовать въ праздникъ родного города“, получившаго возможность исполнить наконецъ свое завѣтнѣйшее желаніе,—объявить своего святого святымъ.

8 сентября М. И. прїѣхалъ днемъ въ Черниговъ съ семьей и молился вечеромъ въ древнихъ, стоящихъ рядомъ на город-

ской площади, соборахъ; за всеюнощнымъ бдѣніемъ состоялось торжественное перенесеніе мощей изъ Борисоглѣбскаго собора въ Спасопреображенскій. Соборная площадь была запружена массой народа въ нѣсколько тысячъ. Лунная, совершенно тихая, по истинѣ украинская, ночь, собравшая эти массы, отвѣчала настроенію вѣрующихъ, внимавшихъ лишь пѣнію и чтенію молитвъ; полная тишина давала знать, что собравшіяся со всѣхъ концовъ православной Руси, толпы были всецѣло отданы чувству общенія со своимъ пастыремъ, покинувшимъ давно сей міръ и не забывавшимъ дорогихъ его сердцу, крѣпко вѣрующихъ сыновъ земли Русской.

— Гдѣ у васъ гнѣзятся эти огромныя массы пришлыхъ людей? спросилъ Мих. Ив. послѣ всеюнощной и, узнавъ, что большіе хорошо сколоченные, составившіе собою „городъ святителя Θεодосія“, бараки, мимо которыхъ онъ днемъ прослѣдовалъ въ городъ съ пароходной пристани, предназначены именно для того, чтобы пріютить эти массы, выразилъ желаніе подробно осмотрѣть „городокъ“. Въ нѣсколькихъ чистыхъ баракахъ народъ имѣлъ чистое просторное помѣщеніе для ночлега; тутъ же были устроены и чайныя, и столовыя, и умывальныя помѣщенія, и лазаретъ съ фельдшерами, сестрами милосердія; чай, каша, хлѣбъ, щи изъ самыхъ свѣжихъ продуктовъ, чисто приготовляемые, раздавались бесплатно; народъ въ полномъ довольствѣ отдыхалъ, молитвенно призывая и славословя Имя Господне рядомъ съ именемъ Его новоявленнаго святого.

— Вотъ, вотъ Драгомировъ,—раздалось во второмъ самомъ просторномъ и болѣе наполненномъ баракѣ въ ту минуту, когда мы въ него зашли, только-что обойдя столовую.

— Гдѣ Драгомировъ и откуда ты, любезный другъ, знаешь, что это Драгомировъ,—спросилъ Мих. Ив., остановивъ свой взглядъ въ упоръ на освѣщенномъ яркими лучами, проведеннаго въ городокъ электричества, молодомъ загорѣломъ лицѣ несомнѣнно хохла.

Нисколько не смутившись, хохоль отвѣтилъ: а какже не знать, мало я васъ бачилъ въ дивизіи, какъ вы насъ муштрой пробирали еще до войны, и мало мы исходили съ вами и румынскія и болгарскія земли, сказалъ онъ громкимъ голосомъ совершенно открыто, да мы-жъ и земляки черниговскіе, конотопскіе.

— Такъ ты мой, тянулъ лямку въ четырнадцатой, съ умиленіемъ произнесъ Мих. Ив.; здравствуй же, братику, и онъ облобызалъ своего бывшаго ученика-воина.—За нимъ потянулись къ отцу командиру десятки головъ; Мих. Ив. всѣхъ одинаково ласково радостно привѣтствовалъ.

Оказалось, что, сойдясь лишь наканунѣ съ разныхъ концовъ Россіи матушки, люди эти тотчасъ же выдѣлились, какъ сослуживцы и соединившись въ одно цѣлое, поджидали, не приведетъ ли Господь Богъ повидать „дивизіи начальника“. Съ большою бодростью и смѣлостью набросились на него земляки, но тутъ же были и полтавскіе, и кіевскіе, и тамбовскіе, и бессарабскіе, и всякіе другіе, всѣ они одинаково ждали минуты встрѣчи послѣ долгой разлуки, сдружились на воспоминаніяхъ о своемъ командирѣ, который тутъ же къ нимъ и явился, благодареніе Богу.

Видно было, что драгомировскимъ цементомъ они были прочно соединены; почти двадцать лѣтъ истекло со времени начала совмѣстной жизни въ капральствахъ знаменитой драгомировской четырнадцатой дивизіи.

— Спасибо вамъ, ребята, что вспомнили, на сердцѣ и въ памяти вы всѣ у меня.

— Вамъ спасибо, не забыли и не забудемъ мы ваше доброе, особо выдвинулись два георгіевскихъ кавалера; Мих. Ив. допросилъ; одинъ—полтавскій, получилъ отъ Мих. Ив. первый по дивизіи крестъ на Систовѣ за переправу; другому—волынскому, крестъ достался въ Волянскомъ же полку, уже изъ рукъ Федора Федоровича Радецкаго на Шейновскомъ бою, гдѣ дрались безъ Мих. Ивановича.

— Спасибо вамъ и за то, что теперь такъ хорошо, исправно представились миѣ, сказалъ Мих. Ив., когда прощался, оставляя бараки. Тихо, смирно, съ достоинствомъ, чувствуя величіе момента, проводили сослуживцы своего командира.

* * *

— Да, сказалъ Мих. Ив., подвигаясь къ городу, лугомъ уже виѣ городка святителя, посмотрѣть на нихъ, какъ хорошо почувствовали они минуту; видно, что для такого дня, отдавшись исключительно наплыву религіозныхъ чувствъ, они объ водкѣ и думать забыли, куда дѣлось все ненавистное озорничество. Славу Богу, и Императоръ Николай Павловичъ, и Филаретъ, присмотрѣвшись къ этимъ массамъ, благородно переживающимъ эти святія минуты со своимъ новымъ святымъ,—оба они и Императоръ, и митрополитъ, надо полагать, готовы были бы сознаться въ томъ, что ошибались въ своихъ заключеніяхъ, приводившихъ ихъ къ недопущенію мысли о разрѣшеніи чествованія торжества освященія мощей. А я-то, тоже хорошъ, сказалъ Мих. Ив., давно ли разсуждалъ о томъ, почему народъ болѣе настоятельныя требованія свои, о дозволеніи этого чествованія, выстав-

лялъ сплошь въ минуты своего ярмарочнаго разгула. Такова участь и таковъ нравъ русскаго человѣка выставить свои сокровеннѣйшія чувства и пожеланія въ веселія, какъ будто, не-серьезныя минуты жизни;—накипитъ у него въ минуты размышленія, а выльется въ моментъ разгульнаго самозабвенія.

* * *

9-го сентября 1896 года въ древнемъ Черниговѣ состоялось полное, величественное торжество открытія и освященія мощей святителя Θεодосія. М. И. Драгомировъ съ молитвой отстоялъ въ древнемъ храмѣ всѣ длинныя богослуженія того дня.

Въ тотъ день состоялся большой обѣдъ, данный духовенствомъ въ честь принявшаго участіе въ торжествахъ престарѣлаго митрополита кіевскаго и галицкаго Іоанникія, а также и другихъ особъ духовныхъ и свѣтскихъ. Въ числѣ первыхъ находились архіепископы варшавскій Флавіанъ (нынѣ митрополитъ кіевскій), херсонскій Іустинъ (скончался на покоѣ въ 1907 году), самарскій Гурій (скончался въ 1908 году), волынскій Модестъ (скончался въ 1900 году), епископъ черниговскій Антоній (скончался въ 1911 году), викарный петерб. епархіи Назарій (нынѣ архіеп. херсонскій), викарный черниг. епархіи Птиримъ (нынѣ архіепископъ владикавказскій). Среди свѣтскихъ—предсѣдатель комитета министровъ статсъ секретарь д. т. с. Ив. Ник. Дурново, командующій войсками Кіевскаго военнаго округа ген.-адъют. М. И. Драгомировъ, съ супругой и съ дочерью, тов. об. прок. Свят. Синода В. К. Саблеръ, д. с. с. графъ К. П. Клейнмихель съ супругой, начальникъ дивизіи генераль-лейт. Алек. Эдгар. Прескоттъ, черниговскій губернаторъ д. с. с. Ев. Кон. Андреевъ съ супругой, черниг. губ. предводитель двор. ст. сов. кн. Ник. Дмитр. Долгоруковъ, новгородсѣверскій уѣздный предводитель двор. кн. В. Д. Голицынъ съ супругой, ректоръ Кіевск. университета Флоринскій, профессоръ того же университет. ст. сов. Сикорскій, ст. сов. Алекс. Ив. Вергопуло, генераль-маіоръ В. А. Воиновъ, командиръ Острожскаго пѣх. полка полковникъ Конст. Орестовичъ Карповъ и отставной ген.-м. Пав. Як. Остелецкій. Среди рѣчей, произнесенныхъ на обѣдѣ, особенно выдѣлилось слово, сказанное Михаиломъ Ивановичемъ: сначала онъ выразилъ свое искреннее удовольствіе по поводу присутствованія на торжествѣ признанія святымъ святого, напутствовавшаго, какъ сказалъ Мих. Ив., меня полвѣка тому назадъ (въ 1845 году) на дѣло умудренія въ наукахъ.

Послѣ въ краткомъ словѣ онъ высказалъ, насколько схожи

роли духовенства и воинства; въ то время, когда венные проводятъ свое огнемъ и мечемъ, духовные дѣйствуютъ внятно, но не менѣе внушительно крестомъ и благословеніемъ.—Рѣчь Мих. Ив. произвела глубокое впечатлѣніе на слушавшихъ; блаженной памяти митрополитъ Іоанникій, старый знакомый генерала, благословляя его при прощаніи, сказалъ ему: „вѣдь вотъ и привыкъ я къ вашему всегда мудрому слову, но каждый разъ, когда доводится васъ послушать, съ особымъ душевнымъ удовольствіемъ выслушаешь что-либо новое, свѣжее, дарящее на всегда неизгладимымъ впечатлѣніемъ“.

* * *

Такъ какъ Мих. Ив. Драгомировъ не упустилъ ни одного момента происходившихъ въ тѣ незабвенные дни торжествъ, то на него особенно тяжелое впечатлѣніе произвела появившаяся на страницахъ небольшой тогдашней газетки „Сынъ отечества“ переданная по телеграфу изъ Чернигова статья о томъ, что важные и богатые люди были допускаемы къ поклоненію мощамъ новоявленнаго святого, а простой народъ такъ и простоялъ всю ночь въ ожиданіи, ибо по распоряженію мѣстной власти полиція бдительно караулила, чтобы ни одного человѣка не допустить.

— Это какая-нибудь еврейская недостойная продѣлка,—сказалъ Мих. Ив.—Что же вы теперь продѣлаете? какъ отзоветесь на это?—спросилъ онъ губернатора.

— Ровно ничего; еврей ли это былъ или еврействующій христіанинъ,—онъ жаждетъ отвѣта, дабы зацѣпиться и наскандалить—этого-то онъ и не достигнетъ.

— Отлично, сказалъ Мих. Ив., самое лучшее: пусть этотъ грязенькій мизерный человѣчекъ, у котораго перо слѣдовало бы на всегда отнять изъ рукъ, останется ни при чемъ со своими мелко еврейскими выходками; не стоитъ онъ ни справокъ объ его личности, ни какихъ бы то ни было замѣчаній или указаній, тѣмъ болѣе по такому высокому дѣлу.—Всѣ видѣвшіе, какъ обильно въ теченіе всей ночи напролетъ народъ безостановочно притекалъ къ ракъ новоявленнаго,—увидятъ, чего стоитъ выскочившій со своими лживыми, поворящими лишь его же сообщеніями, еврей, ни съ того, ни съ сего надувшій до вѣрившуюся ему редакцію.—Пусть она увидитъ, какого позора можно нажить себѣ, довѣряя всякому проходимцу, не умѣющему обходиться благородно съ попавшимъ ему въ руки перомъ и не понимающему, какое это цѣнное оружіе!...

А. Е. К.